

Роберт Стивенсон

Берег Фалеза

Вечерние беседы на острове

Роберт Льюис Стивенсон

Берег Фалеза

«Public Domain»

1892

Стивенсон Р.

Берег Фалеза / Р. Стивенсон — «Public Domain»,
1892 — (Вечерние беседы на острове)

«Был ни день ни ночь, когда я в первый раз увидел этот остров. Луна уже склонялась к закату, хотя еще светила, а на востоке, румянном от зари, бриллиантом сверкало дневное светило. В лицо пахнул береговой ветер, принесший с собою аромат лимона и ванили и другие более обыкновенные запахи. Свежий ветер заставил меня чихать. Надо вам сказать, что я несколько лет жил среди туземцев на одном небольшом пограничном островке. Тут мне предстоял новый опыт, так как язык был для меня совершенно чуждым. Вид этих лесов, гор и необыкновенный запах обновили мою кровь...»

Содержание

Глава I	6
Глава II	12
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Роберт Стивенсон

Берег Фалеза

* * *

Глава I

Океанийская свадьба

Был ни день ни ночь, когда я в первый раз увидел этот остров. Луна уже склонялась к закату, хотя еще светила, а на востоке, румянном от зари, бриллиантом сверкало дневное светило. В лицо пахнул береговой ветер, принесший с собою аромат лимона и ванили и другие более обыкновенные запахи. Свежий ветер заставил меня чихать.

Надо вам сказать, что я несколько лет жил среди туземцев на одном небольшом пограничном острове. Тут мне предстоял новый опыт, так как язык был для меня совершенно чуждым. Вид этих лесов, гор и необыкновенный запах обновили мою кровь.

Капитан потушил компасную лампу.

– Смотрите, мистер Уильтшайр, – сказал он. – Видите за прогалиной рифа струйку дыма? Это и есть Фалеза, последнее населенное место к востоку. С подветренной стороны почему-то никто не живет. Возьмите трубу и в нее вы можете разглядеть дома.

Я взял трубу и на приблизившемся берегу увидел ряд лесов, бреши прибое, коричневые кровли и темные внутренние пространства домов, видневшиеся между деревьями.

– Видите белый кусочек на востоке? – продолжал капитан. – Это и есть ваш дом. Коралловая постройка стоит высоко, с трех сторон окружена верандой, по которой можете гулять сколько угодно. Лучшее место на Тихом океане. Старик Адамс, увидя его, пожал мне руку. «В приятное, – говорит, – дело я вступаю». – «Пора», – ответил я ему. Бедняга Джонни! После того я видел его только один раз, но он уже изменил свое мнение, не ладил ни с темнокожими, ни с белыми, а при следующем нашем приезде я уже не застал его в живых. Я поставил на его могиле шест с надписью: «Джон Адамс. Скончался в 1868 году. Иди и поступай также». Жаль мне было этого человека. Я не находил его дурным.

– От чего он умер? – осведомился я.

– От какой-то внезапно свалившей его болезни, – сказал капитан. – Он, кажется, встал ночью и надулся «Утоли печали» и «Изобретения Кеннеди». Но это не подействовало: он был выше Кеннеди. Открыл бочонок джина – не действует, крепости мало. После этого он выбежал на веранду и, должно быть, наткнулся на перила и упал. На другой день его нашли совсем помешанным. Он все время бормотал, что кто-то подмочил его копру¹. Бедняга Джонни!

– Не остров ли был причиной болезни? – спросил я.

– И остров, и тревога, и другая причина, говорили разное. Но я слышал, что климат тут здоровый. Да вот, Вигур, что был здесь перед вами, ни на волос не изменился, а уехал, по его словам, потому что боялся Черного Джека и Кэза, и Свистуна Джимми, который был еще жив в то время, но вскоре утонул в пьяном виде. А капитан Рендоль живет здесь с 1840 или 1845 года. В Билли я не вижу особенной перемены. У него такой вид, что он проживет Мафусаилов век. Нет! По-моему, место здоровое.

– Вот подходит бот, – сказал я. – Прямо в проливе. Похож на шестнадцатифутовое китовое судно. На офицерском месте двое белых.

– Это бот утонувшего Свистуна Джимми! – воскликнул капитан. – Посмотрим в трубу! Да, разумеется, это Кэз и темнокожий. Репутация у них мерзейшая, но вам известно, каким местом для разговоров является берег. По-моему, Свистун Джимми был самым худшим, а он, как видите, уже отправился в рай. Какое хотите пари, что они едут за джином? Держите пять против двух, что они возьмут шесть ящиков.

¹ Внутренние волокна кокосового ореха.

Когда оба эти торговца причалили к борту, я остался очень доволен их внешним видом или, вернее, внешностью обоих и речами одного из них. Я тосковал по белым соседям после четырехлетнего пребывания на экваторе, казавшегося мне тюремным заключением, с навлечением «табу» и хождением в Правление за снятием его, с покупкой джина и стремлением к пьянству, за которым следовало раскаяние, с сиденьем дома по вечерам в компании лампы или хождением по берегу и придумыванием, как бы выругать себя за то, что нахожусь здесь. На моем острове белых, кроме меня, не было, а на соседнем, куда я перебрался, большую часть общества составляли одни простые покупатели. Потому-то я и рад был видеть двух вновь прибывших. Один из них был негр, но оба они были в франтовских полосатых куртках, в соломенных шляпах, а Кэза так и в городе считали бы щеголем. Он был маленький, желтый, с ястребиным носом, светлыми глазами и с подстриженной бородкой. Откуда он родом, никто не знал, по разговору знали только, что он англичанин. Он, очевидно, был хорошего рода и получил превосходное образование. При этом он одарен был и талантами: играл на гармонике, а с веревкой, пробкой и колодой карт делал фокусы не хуже любого профессионала. Он при желании мог вести и салонный разговор и ругаться не хуже любого янки, и замучить своими остротами канака. Самое выгодное, по его мнению, занятие, было всегда его занятием, и за что он бывало ни возьмется, выходит так естественно, будто он для того и создан. Он обладал мужеством льва и лукавством крысы, и если он теперь не в аду, то, значит, такого места вовсе не имеется. Я знаю единственную хорошую черту этого человека, а именно: любовь и доброе отношение к жене, уроженке Самоа, красившей волосы в красный цвет по моде женщин Самоа. Когда он умер (о чем я расскажу), у него нашли настоящее христианское завещание, по которому вдове досталась вся его собственность, все имущество негра и большая часть товара Билли Рен-Доля, потому что книги вел Кэз. Она уехала на родину на шхуне Мэнуа и хозяйничает дома до настоящего времени.

Но обо всем этом я в то первое утро знал не больше мухи. Кэз приветствовал меня как джентльмен и друг, предложил мне свои услуги, особенно необходимые ввиду моего незнания с туземцами. Лучшую часть дня мы просидели в каюте, выпивая за знакомство. Мне никогда не приходилось слышать человека, говорившего более метко. На островах не было более остроумного и плутоватого торговца. Фалеза представился мне самым подходящим местом, и чем больше я пил, тем легче становилось на душе. Последний торговец бежал с острова, воспользовавшись судном, шедшим с Запада. Капитан нашел дом закрытым; у туземца-пастора были ключи и письмо, в котором беглец признавался, что боялся за свою жизнь. Так как фирма осталась без представителя, то и груза, разумеется, не было. Ветер был попутный, и капитан, рассчитывающий при хорошем ходе добраться засветло до соседнего острова, ускорил выгрузку моего товара. Кэз сказал, что мне не стоит соваться с носом, что фалезцы народ честный, что вещей моих никто не тронет, разве только какие-нибудь мелочи: ножик, пачку табака; что мне самое лучшее сидеть смирно до ухода корабля, затем идти прямо к нему, повидать капитана Рендоля – отца берега, добыть съестного, и идти домой спать, когда стемнеет. Был полдень, и шхуна отправилась в путь раньше, чем я ступил на берег Фалеза.

От выпитых на борту стаканчиков вина и долгого крейсирования, почва колебалась у меня под ногами, подобно корабельной палубе. Местность была похожа на только что написанный красками ландшафт, ноги у меня шли в такт. Фалеза мог быть волшебным лугом, если таковые имеются, и жаль было бы, если б их не было. Приятно было идти по траве, видеть высокие горы, смотреть на мужчин в зеленых венках и на женщин в ярко-красных и голубых одеждах. Мы шли, одинаково наслаждаясь и ярким солнцем, и прохладой тени. Детишки с плутовскими глазами и коричневым телом бежали за нами с радостными возгласами, похожими на писк домашней птицы.

– Надо будет вам раздобыть жену, – сказал Кэз.

– Это верно, – сказал я. – Я было и забыл.

Нас окружила толпа девушек. Я остановился и стал выбирать среди них как паша. Они нарядились по случаю прихода корабля и представляли красивую картину. Если и был в них недостаток, так это излишняя ширина бедер. Я именно думал об этом, когда Кэз дотронулся до меня.

– Вот хорошенькая, – сказал он.

Я увидел девушку, идущую одиноко по другой стороне. Она ловила рыбу и была в промокшей насквозь рубашке. Она была молода и очень стройна для островитянки, с продолговатым лицом, высоким лбом и странным застенчивым, неопределенным, не то кошачьим, не то детским выражением.

– Кто это? – спросил я. – Она годится, пожалуй.

– Это Умэ, – ответил Кэз и, подозвав ее, заговорил с ней на туземном языке.

Что он ей говорил, не знаю, но она во время его речи вскинула на меня робкий взгляд, как ребенок, увертывающийся от удара, затем снова опустила глаза и улыбнулась. Рот у нее был большой, но губы и подбородок точеные, как у статуи. Улыбка появилась на мгновение и исчезла. Она стояла с опущенной головой, выслушала Кэза до конца, ответила ему приятным полинезийским говором, глядя ему прямо в глаза, затем выслушала его ответ, поклонилась и ушла. На мою долю не досталось больше ни взгляда, ни слова, ни улыбки.

– Я думаю, дело уладится, – заметил Кэз. – Вы заполучите ее. Я потолкую со старухой, и вы приобретете вашу избранницу за пачку табака, – добавил он, осклабясь.

Должно быть, ее улыбка запечатлелась в моей памяти, потому что я резко ответил:

– Она на такую вовсе не похожа.

– Не знаю, такая ли она, но думаю, что она надежна, – себя бережет, с толпой не якшается и прочее. Пожалуйста, поймите меня! Умэ выше общего уровня. – Он говорил горячо, что приятно удивило меня. – Я не говорил бы с такой уверенностью, что добуду ее, если бы она не влюбилась в очертание вашего носа. Вам остается держаться в стороне и предоставить мне устроить дело с матерью по-моему, а я уж приведу девушку к капеллану, чтобы повенчаться.

Слово «повенчаться» мне было не по душе, что я и сказал:

– Тут нет ничего страшного, – возразил Кэз. – Капелланом будет негр.

В это время мы подошли к дому этих трех белых – негр считается белым, как и китаец. Представление странное, но обычное на островах. Дом был большой, с ободранной шатающейся верандой. На лицевой стороне находились контора и магазин с мизернейшей выставкой товара: ящика два жестянок с маслом, бочонок сухарей, несколько кусков бумажной материи, которую и сравнивать с моей было нельзя. Хороша была только контрабанда, то есть оружие и спиртные напитки.

«Если это мои единственные соперники, я хорошо устроюсь в Фалезе», – подумал я. Они могли победить меня только напитками и друзьями.

В задней комнате сидел на корточках на полу старик, капитан Рендоль, жирный, бледный, голый по пояс, сивый как барсук, с неподвижными от пьянства глазами. Тело его обросло волосами и было облеплено мухами; одна сидела у него на глазу, а он даже и не замечал. Вокруг жужжали москиты. Чистоплотный человек охотно прикончил бы его и похоронил бы сразу. Вид его, мысль, что ему семьдесят лет, что он некогда командовал судном, вышел на берег франтом, говорил громкие речи в судах и консульствах, сидел на клубных верандах, мысль эта болью сжала мое сердце и отрезвила меня.

Он хотел было подняться, когда я вошел, но попытка не удалась, поэтому он просто подал мне руку и пробормотал какое-то приветствие.

– Папа здорово нагрузился нынче, – заметил Кэз. – У нас тут была эпидемия, так вот капитан Рендоль принимает джин как предупреждающее средство. Так что ли, папа?

– Никогда в жизни не принимал такой штуки! – воскликнул капитан с негодованием. – Я пью джин, мистер, как вас, для сохранения здоровья.

– Совершенно верно, папа, – сказал Кэз, – но вы выпьете и для подкрепления. У нас будет свадьба: мистер Уильтшайр собирается сочетаться браком.

– С кем? – спросил старик.

– С Умэ! – ответил Кэз.

– С Умэ! – крикнул капитан. – Зачем она ему понадобилась? Он приехал сюда ради здоровья? На кой черт ему Умэ?

– Засохните, папа! – сказал Кэз. – Не вы женитесь на ней. Ей вы не крестный отец, не крестная мать. Полагаю, мистер Уильтшайр поступает так, как ему нравится.

Он извинился, что должен уйти хлопотать о свадьбе, и оставил меня одного с этим жалким существом, которое было его компаньоном и, по правде сказать, его жертвой: и товар и место принадлежали Рендолю, Кэз же и негр были паразитами, прилипшими к нему и кормившимися им, подобно мухам, которых он также мало замечал. О Билле Рендолье я действительно не могу сказать ничего дурного, кроме того факта, что он мне был противен, и время, проведенное в его обществе, казалось мне кошмаром.

Комната была полна мух и удушающе жаркая, так как дом был грязный, низкий, маленький, стоял на скверном месте, за деревней, у опушки кустарника и был закрыт со стороны дороги. Постели троих мужчин были устроены на полу, тут же свалены были в беспорядке кастрюли, сковородки и посуда. Мебели вовсе не было. Рендоль в буйные минуты уничтожил ее. Тут же я сидел и ел обед, поданный нам женою Кэза; тут же занимали меня разговором эти остатки человека; коснеющим языком рассказывал он старые пошлые анекдоты, старые истории, сопровождаемые сиплым смехом; моего угнетенного положения он не признавал. Он все время прихлебывал джин. Временами засыпал, затем снова просыпался, вздрагивал, охал и время от времени спрашивал меня, почему я хочу жениться на Умэ.

– Не следует тебе, дружок, допустить себя стать подобным этому старому джентльмену, – твердил я себе целый день.

Было, должно быть, часов около четырех пополудни, когда задняя дверь медленно открылась, и в комнату вползла чуть не на животе странная старуха-туземка, вся запеленутая в черную материю, с седыми спутанными волосами, с татуированным лицом, что не было в обычае на этом острове, и с большими, блестящими, помешанными глазами. Она устала на меня с восторженным, на мой взгляд, несколько деланным выражением. Отчетливых слов она не говорила, а просто щелкала и чавкала зубами, лепеча как ребенок, просящий рождественского пудинга. Она прошла по всему дому, направляясь прямо ко мне, доползши до меня, схватила мою руку и начала мурлыкать над ней как кошка. От мурлыканья она перешла к пению.

– Кто это, черт возьми? – крикнул я, пораженный всем этим.

– Это Февао, – сказал Рендоль.

Я увидел, что он заковылял в дальний угол.

– Вы ее боитесь? – спросил я.

– Мне бояться! – откликнулся капитан. – Я ей не доверяю, мой друг! Я ее на порог не пустил бы, но сегодня дело другое, сегодня свадьба. Это мать Умэ.

– Положим, это верно, но чему она так рада? – спросил я, более раздраженный, пожалуй, более испуганный, чем хотел показать. Капитан пояснил, что она восхваляет меня в стихах за то, что я женюсь на Умэ.

– Прекрасно, старушка, – сказал я с неудачной попыткой к смеху. – Весьма признателен. Скажите мне, когда покончите с моей рукой.

Она как будто поняла. Пение перешло в крик и смолкло. Женщина выползла из дома точно так же, как вползла в него, и, должно быть, прямо пробралась в кусты, потому что, когда я последовал за нею к дверям, она уже исчезла.

– Странные обычаи, – заметил я.

– Странный народ, – сказал капитан и, к великому моему удивлению, осенил крестным знаменем свою обнаженную грудь.

– Как, разве вы папист? – воскликнул я.

Он с презрением отрекся.

– Самый рьяный баптист, – возразил он, – но и у папистов, милый друг, есть кое-что хорошее и в том числе вот это самое. Послушайтесь моего совета, и если встретите где-нибудь и когда бы то ни было Умэ, Февао или Вигура, или вообще кого-либо из этой толпы, обратитесь в паписта и сделайте то, что сделал я. Понимаете? – спросил он, снова перекрестясь и подмигивая тусклым глазом. – Нет, сэр, папистов здесь нет!.. – и долго еще после этого сообщал он мне свои религиозные взгляды.

Должно быть, Умэ с первого взгляда пленила меня, иначе я бежал бы из этого дома на чистый воздух, к чистому морю или какой-нибудь реке, хотя, по правде сказать, и был обязан Кэзу; кроме того, я не смел бы держать высоко голову на этом острове, если бы убежал от девушки в брачную ночь.

Солнце зашло, небо было все в огне, и лампа уже горела несколько времени, когда Кэз вернулся с Умэ и негром. Умэ была одета и надушена. Короткая юбка из тонкой *тапы* выглядела богаче шелковой. Обнаженный до талии бюст цвета темного меда был украшен полдюжиной ожерелий из семян и цветов, за ушами и в волосах тоже были пурпуровые цветы кетмии². Она держала себя как подобает невесте, серьезно и спокойно, и мне стало стыдно стоять с ней в этом простом доме, перед этим ослабевшим негром. Повторяю, мне было стыдно, потому что шарлатан нарядился в огромный бумажный воротник, а книга, по которой (он делал вид, что читает) он читал, была просто томом романа; слова его службы не могут быть приведены. Я почувствовал укор совести при соединении наших рук, а когда ей вручили брачное свидетельство, я покушался отречься от сделки и сознаться. Вот этот документ, написанный и подписанный Кэзом на листке, вырванном из конторской книги:

«Сим удостоверяется, что Умэ, дочь Февао Фалезской, незаконно повенчана с мистером Джоном Уильтшайром на одну неделю, и мистер Джон Уильтшайр может отправить ее ко всем чертям, когда ему заблагорассудится.

*Джон Блекмор,
капеллан матросов.*

Извлечено из регистра Вильямом Т. Рендолем, командиром матросов».

Славная бумага для вручения девушке, которая хранит ее как золото! Человек может, по меньшей мере, почувствовать себя униженным. Но в этих местах подобное практикуется по вине не белолицых, а миссионеров.

Если бы они не обращали туземцев, мне не пришлось бы прибегать к обману, а брал бы я себе каких угодно жен и со спокойной совестью оставлял бы их, когда вздумается.

Чем более я был пристыжен, тем более спешил уйти. Желания наши, видимо, согласовались, насколько я заметил по перемене в торговцах. Насколько сильно было в Кэзе желание удержать меня, настолько сильно ему хотелось теперь спровадить меня, точно он достиг какой-то цели. «Умэ покажет вам ваш дом», – сказал он, и все трое простились с нами в комнате.

Приближалась ночь. В селении пахло деревьями, цветами, морем, печеными плодами хлебного дерева. Слышен был шум прибоя, а издали доносились из домов и из-за деревьев звуки мужских и детских голосов. Приятно мне было дышать свежим воздухом, приятно было покончить с капитаном и видеть рядом с собой, вместо него, это создание. Я чувствовал себя так же, как будто это была девушка Старого Света, и, забывшись на минуту, я взял ее за руку.

² Растение семейства мальвовых, которое у нас зовут обычно китайской розой (прим. перевод.).

Пальцы ее приютились в моей руке, я слышал ее прерывистое дыхание, и вот она вдруг схватила мою руку и прижалась к ней лицом. «Вы добрый!» – крикнула она, побежала вперед, остановилась, оглянулась, улыбнулась, опять побежала и таким образом довела меня по опушки кустарника кратчайшей дорогой до дома.

Дело в том, что Кэз, исполняя обязанность свата, сказал ей, что я безумно хочу обладать ею и не беспокоюсь о последствиях. Бедняжка, зная то, о чем я понятия не имел, поверила каждому слову, и у нее закружилась голова от тщеславия и благодарности. Я ничего этого не подозревал. Принадлежа к числу людей, враждебно относящихся к нелепым поступкам с туземными женщинами, видевший столько белых, съеденных родственниками жен и одуроченных договором, я говорил себе, что следует остановиться и образумить ее. Но она была так оригинальна и мила, отбегая вперед и поджидая меня, делалось это так по-детски или так по-собачьи, что я не мог сделать ничего лучшего, как именно следовать за нею, прислушиваясь к шагам ее босых ног и следя в сумерках за ее светящимся телом. Мне пришла в голову другая мысль. Она играла со мной как котенок, когда мы были наедине, а дома держала себя гордо и скромно как графиня. В этом костюме, как ни мал и ни туземец он был, в этом тонком *тана* в цветах и семенах, блестевших как драгоценности, только более крупные, мне показалось, что она действительно графиня, нарядившаяся, чтобы слушать в концерте великих певцов, а не для того, чтобы стать женою бедного торговца, вроде меня.

Она вошла в дом первой, и я еще на улице увидел, как вспыхнула спичка, и окна осветились светом лампы. Коралловая постройка с большой верандой, высокой и большой главной комнатой, была удивительно красива. Сундуки и ящики, наваленные в ней кое-как, придавали ей несколько беспорядочный вид. У стола поджидала меня смущенная Умэ. Тень ее поднималась позади до углубления железного потолка. Сама она была ярко освещена лампой. Я остановился в дверях. Она молча смотрела на меня пылкими, но пугливыми глазами, затем дотронулась до своей груди.

– Я ваша жена, – сказала она.

Никогда еще не бывал я так взволнован. Желание обладать ею вызвало во мне дрожь, подобную дрожанию паруса под влиянием ветра.

Я не мог говорить, если бы хотел, а если бы и мог, то все равно не стал бы. Я стыдился своего чувства к туземной женщине, стыдился этого брака, стыдно мне было и за свидетельство, тщательно спрятанное ею в ее короткой юбке. Я отвернулся и сделал вид, что хочу разобрать ящики. Я как раз попал на ящик джина, единственный привезенный мною. Отчасти присутствие девушки, отчасти отвратительное воспоминание о капитане Рендоле побудили меня принять внезапное решение: я поднял крышку, вынул бутылки, откупорил их одну за другой карманным штопором и поручил Умэ вылить содержимое с веранды.

Вернувшись за последними бутылками, она смущенно посмотрела на меня.

– Не хорошо, – сказал я, несколько лучше владея языком. – Человек он пьет, он нехороший.

Она с этим согласилась, но продолжала соображать.

– Зачем вы его привезли? – спросила она. – Если бы вы не хотели пить, вы бы не привезли его, я думаю.

– Совершенно верно, – сказал я. – Одно время мне очень хотелось пить, а теперь не хочется. Я, видишь ли, не знал, что у меня будет женка. Положим, я пью джин, моей женке было бы страшно.

Говорить с нею ласково – это наибольшее, на что я был способен; я дал обет никогда не допускать себя до слабости к туземке, и мне оставалось только остановиться.

Она серьезно смотрела на меня, сидевшего у открытого ящика.

– Я думаю, вы хороший человек, – сказала она и вдруг упала передо мною на пол. – Я принадлежу вам, как ваша вещь! – крикнула она.

Глава II

Опала

Утром я вышел на веранду до восхода солнца. Дом мой был последним на востоке. Лес и утесы скрывали солнечный восход. На западе протекала быстрая, холодная река, за которой виднелась зеленая поляна, усеянная кокосовыми пальмами, хлебными деревьями и домами. Ставни были в некоторых домах закрыты, в других открыты. Я видел рои москитов и сидевшие в домах тени проснувшихся людей. За зеленым лугом молча прокрадывались люди, закутанные в разноцветные плащи, похожие на библейские изображения бедуинов. Было мертвенно тихо, торжественно, холодно, освещение лагун зарею походило на зарево пожара.

Меня смутило то, что я увидел вблизи. Несколько дюжин взрослых людей и детей образовали полукруг, фланкируя мой дом. Одни расположились на ближайшем берегу разделявшей их реки, другие на дальнем, а часть на скале посередине. Они сидели молча, окутанные покрывалами, и пристально, не спуская глаз, смотрели на меня и на мой дом, смотрели как пойнтеры. Я нашел это странным и вышел. Вернувшись с купанья, я нашел их на прежнем месте с прибавкой еще двух-трех человек, что показалось мне еще более странным. «Чего ради они смотрят на мой дом?», – подумал я, входя в него.

Но мысль об этих наблюдателях упорно засела у меня в голове, и я снова вышел. Солнце уже взошло, но все еще находилось за лесом. Прошло с четверть часа. Толпа значительно возросла, дальний берег был почти полон: человек тридцать взрослых и вдвое большее количество детей частью стояли, частью сидели на корточках и глазели на мой дом. Я видел однажды окруженный таким образом дом, но тогда торговец дубасил палкой свою жену, и она кричала; тут же не было ничего подобного – топилась печка, дым шел по-христиански, – все было благопристойно, на бристоольский лад. Положим, явился чужестранец, но они имели возможность видеть его вчера и отнеслись к его приезду довольно спокойно. Что же встревожило их теперь? Я положил руки на перила и тоже уставился на них. Перемигиваться стали, черт возьми! Временами дети болтали, но так тихо, что до меня не долетало даже гула их голосов. Остальные напоминали изваяние; безмолвно и печально смотрели они на меня своими большими глазами, и мне пришло в голову, что мало разницы было бы в их взгляде, если бы я стоял на помосте виселицы, а эти добрые люди пришли бы глядеть, как меня будут вешать.

Я почувствовал, что начинаю робеть, и боялся дать это заметить, этого никогда не следует показывать. Я выпрямился, подбодрился, спустился с веранды и направился к реке. Там начали перешептываться, послышалось жужжание, какое иногда слышишь в театре при подъеме занавеса, и ближайшие отступили на расстояние шага. Я видел, как одна девушка положила одну руку на молодого человека, а другой рукой показала вверх, сказав в это время что-то задыхающимся голосом. Три мальчугана сидели на дороге, где я должен был пройти на расстоянии трех футов от них. Закутанные в покрывало, с бритыми головками и торчащим хохолком, с этими оригинальными личиками они походили на каменные статуэтки. Они сидели торжественно, как судьи. Я поднял сжатый кулак, как человек, намеревающийся дать тумака, и мне показалось что-то вроде подмигивания на этих трех лицах, затем один (самый дальний) вскочил и побежал к своей маме, двое остальных хотели последовать за ним, запутались, упали, заорали, вылезли из своих покрывал, и минуту спустя все трое нагишом ударили во все лопатки, визжа, как поросята. Туземцы, никогда не пропускающие случая пошутить, даже на похоронах, смеялись коротким смехом, похожим на собачий лай.

Говорят, человек боится оставаться один. Ничего подобного. Что пугает его в темноте или в кустах, так это невозможность убедиться в безопасности и то, что у него может очутиться за плечами целая армия, а еще страшнее попасть в толпу, не имея ни малейшего представления

о ее намерениях. Мальчуганы не успели добежать до места и все еще полным ходом летели прямо по дороге, как я уже успел обойти одно судно и скрыться за вторым. Я, как дурак, шел вперед, делая по пяти узлов, и, как дурак, вернулся обратно. Это, должно быть, было презабавно, но на этот раз никто не смеялся, только одна старуха забормотала какую-то молитву, вроде того, как бормочат диссентеры свои проповеди.

– Никогда еще не видел я таких дураков канаков, как здешние, – сказал я Умэ, смотря из окна на зевак.

– Ничего не знаю, – ответила Умэ с видом отвращения, что у нее вышло очень ловко.

Вот и весь наш разговор по этому поводу, потому что я был сильно сконфужен тем, что Умэ отнеслась к этому равнодушно, как к делу совершенно естественному.

Целый день сидели дураки, то в большем, то в меньшем числе, с западной стороны моего дома и по реке, поджидая какое-нибудь знамение: я полагаю, они ждали небесного огня, который пожрет меня со всем моим добром. К вечеру им, как истым островитянам, надоело ждать, они ушли и устроили танцы в большом деревенском доме, откуда доносились до меня их пение и хлопанье в ладоши часов до десяти вечера, а на следующий день они, казалось, забыли даже о моем существовании. Спустился огонь с неба, разверзлись земля и поглотили меня – никто не видел бы этой помехи или урока – назовите, как хотите. Однако мне пришлось узнать, что они и не думали забывать меня и зорко следили, не будет ли какого-нибудь феномена в моей жизни.

Два дня я был очень занят приведением в порядок магазина и проверкой имущества, оставленного Вигуром. Эта работа мне порядком-таки надоела и мешала думать о чем-нибудь другом. Бен принял товар до переезда, и я знал, что на него можно вполне положиться, но, очевидно, здесь кто-то очень бесцеремонно хозяйничал, и я открыл, что меня обокрали на полугодовое содержание и прибыль. Я готов был дать выгнать себя пинками из деревни за то, что был таким ослом и пьянствовал с Кэзом, вместо того чтобы заняться делом и принять товар самому.

Как бы там ни было, но, потеряв голову, по волосам плакать было бесполезно.

Дело уже сделано и переделать его нельзя. Все, что я мог сделать, это привести в порядок остатки прежнего и нового товара, обойти все, избавиться от крыс и тараканов и устроить магазин на сиднейский лад. Я придал ему красивый вид, и когда на третий день, закулив трубочку, я стоял в дверях и заглянул в магазин, а затем обернулся и, взглянув на далекие горы, увидел качающиеся кокосовые орехи и вычислил тонны копры и, увидя щеголей островитян, сообразил, какое количество ярдов ситца потребуется им на костюмы, я чувствовал, что это и есть самое настоящее место для приобретения состояния, после чего можно будет снова вернуться домой и открыть харчевню. И вот, сидя на веранде, среди чудной картины, великолепного солнца, прекрасного, здорового дела, освежающего кровь как морское купанье, я совершенно отрешился от этого и стал мечтать об Англии, этой сырой, холодной, грязной норе, где не достает света для чтения, мечтать о внешнем виде моего кабачка, стоящего на краю большой дороги с вывеской на зеленом дереве.

Так прошло утро; но когда пришел день, и ни один черт не зашел ко мне, это показалось мне странным, насколько я был знаком с туземцами других островов. Люди посмеивались над нашей фирмой и ее прекрасными станциями вообще, а над станцией Фалеза в особенности, и говорили, что все количество копры и в пятьдесят лет не окупит издержек, что мне казалось преувеличением. Но когда день миновал, а дела не было, мне стало не по себе, и в три часа пополудни я пошел побродить, чтобы рассеяться.

На лужайке я увидел белого человека в рясе, в котором, по лицу и по костюму, я узнал священника. По наружности он был добродушный малый, седоватый и такой грязный, что им можно было писать на листе белой бумаги.

– Добрый день, – поздоровался я.

Он ответил на туземном языке.

– Вы по-английски не говорите? – спросил я.

– Я говорю по-французски, – ответил он.

– Очень жаль, но я тут ничего не могу сделать, – сказал я.

Он заговорил сначала по-французски, потом по-туземному, что, по его мнению, было удобнее. Я понял, что он не просто тратит со мною время, а хочет мне что-то сообщить. Я с трудом понимал его. Я слышал имена Адамса, Кэза, Рендоля – последнее чаще всего – слово «яд» или что-то в этом роде и очень часто повторяемое туземное слово. Идя домой, я все время твердил его.

– Что значит «фуси-оки»? – спросил я Умэ, повторив приблизительно это слово.

– Убивать, – сказала она.

– Черт возьми! Слышала ты, что Кэз отравил Джонни Адамса?

– Это всякому известно, – ответила Умэ презрительно. – Дал ему белый песок, гадкий песок. У него есть еще бутылка. Положим, он дает вам джин, вы его не берите.

Я слышал столько историй в таком же духе и на других островах, с белым порошком во главе, что не придавал им значения, а чтобы разузнать подробности, прошел к Рендолю и в дверях увидел Кэза, чистящего ружья.

– Хороша здесь охота? – спросил я.

– Первый сорт. Лес полон всевозможными птицами. Хорошо, кабы было столько копры, – сказал он, как мне показалось, лукаво, – но здесь, кажется, совсем делать нечего.

Я мог видеть в магазине негра, подающего что-то покупателю.

– Однако, это похоже на дело, – сказал я.

– Это первая продажа за три недели, – возразил он.

– Может ли быть? – спросил я. – Три недели? Толкуйте!

– Если вы мне не верите, – сказал он несколько резко, – можете пойти посмотреть в кладовую, она в настоящее время наполовину пуста.

– Мне от этого лучше не будет. Я могу сказать, что вчера она могла быть совсем пуста.

– Это верно, – усмехнулся он.

– Кстати! Что за человек священник? – спросил я. – Кажется, он доброжелательный на вид.

На это Кэз захохотал громко.

– А, теперь я понимаю, что вас тревожит! – сказал он. – К вам заходил Галюшэ.

Его большей частью называли отец Галош³, но Кэз всегда применял к этому имени французскую игру слов, и это было лишней причиной, почему мы считали его выше обыкновенного смертного.

– Да, я его видел, – ответил я, – и узнал, что он не высокого мнения о вашем капитане Рендоле.

– О, да! Ссора из-за бедного Адамса, – сказал Кэз. – В день его смерти зашел Бенкомб. Встречались вы с Бенкомбом?

Я сказал «нет».

– Бенкомб – врач, – засмеялся Кэз. – Ну-с, так вот Бенкомб забил себе в голову, что, так как духовенства здесь, кроме канакских пасторов, не имеется, то мы должны позвать отца Галюшэ, чтобы он исповедовал и причастил старика. Для меня это было, понимаете, безразлично, но я сказал, что нужно, на мой взгляд, спросить мнение Адамса. Он с безумным видом кричал о «потопленной копре». «Послушайте, – говорю я, – вы очень больны. Хотите видеть Калошу?» Он приподнялся на локте. «Позовите, – говорит, – священника! Позовите священника! Нн дайте мне умереть, как собаке!» Он сказал это горячо, будто в жару, но довольно осмысленно. Возражать на это было бы странно, и мы послали к Галюшэ узнать, не желает ли

³ Galoche – калоша.

он пожаловать. Он, конечно, пожелал и при одной мысли об этом подскочил в своем грязном белье. Мы все устроили без папы, а папа ревностный баптист и находил, что к папистам обращаться не следует. Он взял да двери-то и запер. Бенкомб обозвал его ханжой. Я думал, знаете, что с ним будет припадок от злости. «Как, это я-то ханжа? – кричит. – До чего я дожил. Приходится выслушивать такие вещи от бездельника, подобного вам!» Он бросился на Бенкомба, и мне пришлось их разнимать. Посередине лежит в забытьи Адамс и бредит, как сумасшедший, насчет копры. Как сцена, это было очень интересно, и меня разобрал смех. Вдруг Адамс сел, прижал руки к груди и отправился в страну ужасов. Тяжелая смерть была у Джона Адамса, – сказал Кэз, сразу нахмураясь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.